

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НЕОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Список слов

ЖАЛОСТЬ, ЖЕРТВА, ЖИЗНЬ,

ЗЕМЛЯ, ЗЛО,

ИСТИНА,

ЛЕНЬ, ЛОЖЬ, ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ,

МЕЧТА, МИР и ВОЙНА

ЖАЛОСТЬ

Если попытаться кратко проследить эволюцию значения русского слова *жалость* (а также однокоренных *жаль*, *жаловать*, *жалко*, *жалеть* и др.) за последние полтысячелетия, то можно сказать так: это слово заметно потускнело, поблекло, даже — увяло.

Жалость сейчас — это сожаление, печаль, соболезнование, сострадание. Можно с *жалостью* на кого-нибудь *смотреть*, *сделать что-нибудь из жалости*. В этом корне есть даже нечто этикетное, официальное. *Мне очень жаль, но...* — это сухой отказ. Подать жалобу — значит действовать в судебном порядке. В слове *жаловаться* есть что-то, с одной стороны, «занудное» (нравится ли нам человек, который все время на что-либо жалуется?), с другой — нехорошее, нечистоплотное, потому что *жаловаться* — значит еще и наущничать, ябедничать, наговаривать. В словах *жаловать*, *жалованный* присутствует что-то «надменное», «неравноправное»

Владимир Станиславович Елистратов родился в Москве в 1965 году. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова в 1987 году. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в 1993 году, докторскую диссертацию по культурологии в 1997-м. Заслуженный профессор МГУ. Преподает риторику, семиотику, историю литературы, современный русский язык, культуру речи, лексикографию. Лауреат премии имени Шувалова I степени. Автор книг «Арго и культура» (1995), «Трактат рго таракана» (1996), «Словарь русского арго» (1994, 2000), «Язык старой Москвы» (1997, 2004), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999, 2010), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010), «Нейминг: искусство называть» (2013, соавт. с П. А. Пименовым), «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века» (2013) и др. Автор более 700 публикаций. Работы переведены на немецкий, венгерский, болгарский, английский языки. Переводчик, поэт, прозаик, эссеист, публицист. Автор сборника юмористических рассказов «Тю! или рассказы российского туриста» (2008), поэтических сборников «Московский Водолей» (2002), «По эту сторону Стикса» (2005), «Духи мест» (2007). Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Поляна», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «АиФ — путешествия», «Аэрофлот» и др., постоянный автор газеты «Моя семья». Живет в Москве.

* Продолжение. Начало в № 1—2, 2017.

(жаловать шубу с барского плеча, жалованная вотчина). Тот же «атавизм неравноправия» явно слышится в жалованье. Выходит, что если я получаю жалованье, то я его не заработал, а мне это жалованье снисходительно пожаловали. В слове *пожаловать* в значении прийти, приехать угадывается отчетливая ирония (*пожаловал* — значит «явился, не запылится»). Если у кого-то *жалкий вид*, то он вызывает не только (и не столько) жалость, сколько неловкость, пренебрежение, презрение, безразличие. *Жалеть* — это не только испытывать жалость, это еще и скупиться.

В общем, это понятие обросло массой побочных оттенков смысла, уже никак не связанных с жалостью как с сильным сострадательным чувством.

А между тем раньше этот корень был очень экспрессивным. Пожалуй, единственное современное русское слово, сохранившее его, — это *жало* (например, змеи). Кстати, в ряде русских говоров жало — это еще и острие (иглы, ножа и т. п.).

Исконно этот древний корень был связан со значением колоть, боль, страдание, мука, смерть.

Жалеть до сих пор во многих языках — это не просто испытывать некое сочувствие, более или менее сильное, чаще — пассивное, не предполагающее никаких конкретных действий. Нет, жалеть значило оплакивать, скорбеть, носить траур, испытывать физическую боль. *Жаль* («кел») — по-армянски — нарыв.

В русском языке пятьсот лет назад *жаль*, *жалость* — это горе, страсть, ревность. Были такие слова *желя* и *жиля*, которые означали плач, оплакивание. В старославянском языке *жаль* — гробница. В русском *жаль*, *жальник* — могила, кладбище, *жальничный* — кладбищенский. *Жальбище* — опустошенное, разоренное место.

Жалейка — дудка, издающая особые жалостливые звуки.

Как мы видим, *жалость* должна была изначально *жалить*, как змея. *Жалость*, таким образом, должна находиться на грани жизни и смерти. Философы сказали бы, что это глубоко экзистенциальное понятие, в котором сконцентрированы «последние», главные вопросы человеческого существования.

Жалость, говоря шекспировским языком, задает нам вопрос «Быть или не быть?». Испытывать жалость — значит быть. Вернее — Быть. Не знать жалости — значит не быть настоящим человеком, прозябать, влачить бессмысленное существование.

Жалость несет в себе не только идею сострадания, но и идею исконной, настоящей любви. В русских диалектах *жалёный*, *жалкой*, *жалобочный*, *жалоба* значило возлюбленный, любимый, «зазноба». На Руси так и обращались к любимому или любимой: *жалоба ты мой (моя)!*

Все-таки *жалко*, что в современных людях нет больше такой сильной, могучей, напряженной, всепоглощающей *жалости*, которая была в наших предках.

Или, может быть, она есть, но мы просто не умеем ее выразить?..

ЖЕРТВА

«Жертва» — очень интересное слово. Можно даже сказать: слово странное, мистическое. И очень русское, объясняющее многое в национальном характере.

Древнейший еще общеиндоевропейский смысл этого корня — «взывание», «превозношение», «восхваление» (разумеется, божества).

Превозносить и восхвалять божество, взывать к нему нужно было не только словами молитвы, заклинания, но через принесение ему конкретного дара — жертвы. В узком смысле имеется в виду жертва, которая приносится в дар божеству жрецом в процессе жертвоприношения. Именно это значение обычно и указывается первым в словарях.

Но есть у этого слова и более широкий, обобщающий смысл.

«Жертва» в русском языке — это, по сути, все, что отдается во имя чего-то. Чего-то важного, ради чего вообще-то «стоит отдавать», даже если речь идет о самом человеке, его жизни.

Мало того, «жертва» — это еще и тот, кто пострадал или погиб от чего-либо: от землетрясения, несчастного случая, злого умысла.

Интересно, что во многих других языках (английском, французском, испанском и др.) эти значения «обслуживаются» совершенно другими корнями. Одно дело — «sacrifice» и совсем другое — «victim».

«Sacrifice» — это, так сказать, «высокая жертва». «Приносить жертву», «ценой больших жертв» и т. п. — это «sacrifice». А «стать жертвой» преступника или выбрать себе «жертву для убиения» — это «victim».

А есть, например, в английском еще и «offering», «donation», «endow». (Кстати, «жертвователь» — это «donor», «жрец» — «priest», а «жертвенник» — «cendence»...) У нас тоже есть «дары», «доноры», «подарки», «презенты» и т. п., но это другое.

Русский язык упорно объединяет это большое и пестрое смысловое поле одним корнем. Что ж объединяет обряд древнего жреца, «принесение себя в жертву Родине», «пожертвование денег детскому дому» и «жертву ДТП»? Почему во фразах «я принес себя в жертву идее» и «я стал жертвой землетрясения» мы мыслим себя именно как *жертву*?

Да по той же самой причине, по которой, например, святыми на Руси становились и становятся «просто убиенные» (Борис и Глеб, царская семья). Человек пострадал, принял муки, значит, он уже принес себя в жертву чему-то высшему: Богу, Справедливости, Правде. «Просто так», впустую люди на земле не страдают. Отсюда вечная любовь русских ко всем «несчастьным», о чем так много пишет русская классическая литература. Перечитайте, к примеру, Достоевского: все маленькие, убогие, пьяненькие, как Мармеладов, «униженные и оскорбленные» — все это никакие не «victim», а самые настоящие «sacrifice».

Русский человек всегда и во всем, даже в мелочах, апеллирует к высшим силам. Например, лингвистам хорошо известно, что самые сокровенные, интимные чувства русские выражают обобщенно-лично: «мне взгрустнулось», «мне не верится», «мне не дышится», «мне не естся» и «мне не пьется», «чудится мне» и т. д. Внутренний мир человека напрямую связан с Небом, Вечностью, Бытием, Абсолютом, Богом. И все, что происходит с человеком, происходит не просто так.

Мы все — словно древние жрецы. И каждый миг своей жизни стоим у невидимого жертвенника и совершаем бесконечный обряд жертвоприношения.

Слово «жертва» — очень важное слово. Оно помогает найти в жизни высший смысл. Конечно, тому, кто его ищет.

ЖИЗНЬ

Корней Иванович Чуковский назвал свою знаменитую книгу о языке «Живой как жизнь». Если рассматривать это название поверхностно, то перед нами простая тавтология. Что-то вроде «красивый как красота» или «умный как ум». Если же вдуматься в него поглубже, то мы увидим: оно очень непростое и в высшей степени оригинальное.

Что же такое «жизнь»?

Во-первых, «жизнь» — это не что иное, как бытие, существование. Формально гамлетовский вопрос «To be or not to be?» вполне можно перевести на русский язык как «Жить или не жить?» или «Существовать или не существовать?»

Мы говорим: «жизнь Вселенной». Философ скажет: «бытие мира» или как-нибудь так: «экзистенция сущего». Можно выразиться и попроще: «существование всего». То есть слово «жизнь» в русском языке — это, проще говоря, «все, которое есть», «реальность». Что такое «провести решение президента в жизнь»? Сделать его реальным, сделать частью бытия.

В-вторых, «жизнь» — значит органическое, биологическое, физиологическое существование всего живого: человека, растения, животного и всех их вместе. Греческое слово «биология» можно перевести как «жизневедение». В этом значении слово «жизнь» является как бы одушевлением, олицетворением своего первого значения. Если я скажу «жизнь фонарика», то я мыслю «фонарик» как живой, например — как персонаж какой-нибудь сказки.

В-третьих, «жизнь» — это время или период жизни («жизнь человека», «жизнь на даче»). Мы видим, что третье значение — словно бы «отрезок» первого и второго значений: «часть бытия», «отрезок существования», «этап жизненного процесса».

В-четвертых, «жизнь» — одна из форм этого самого времени или периода («семейная жизнь», «интеллектуальная жизнь», «концертная жизнь»).

Наконец, в-пятых, жизнь, можно сказать, «энергия проявления самой себя» («большая жизнь», «напряженная творческая жизнь»).

Видите, данное слово — своего рода смысловая матрешка: «существующее все» — органическая часть этого «всего» — форма «всего» — яркая, интенсивная проявленность «всего». Или так: это клубок смыслов, где все нити тесно переплетены. Жизнь — смысловой синтез, «всё во всём».

Совершенно закономерно, что этот корень («жить», «живу», «жизнь») имеет колоссальное количество производных слов и богатейшую фразеологию. От «нажить червячка» до «жизнь прожить — не поле перейти», от шутливо-ласкательного «жизнечок» (у А. Островского) до «жития святого», от просторечного грубого «живоглот» до «отдать жизнь за Родину».

Этот корень вездесущ. Он в том или ином своем проявлении присутствует во всех сферах нашей жизни: в фольклоре («живая вода»), литературе («жизнеописание»), искусстве («живопись»), экономике («животноводство»). Даже в школьной программе есть жизнь («ОБЖ»).

Может быть, это самое главное слово (и уж точно — одно из самых главных слов) в русском языке. Ведь оно — и весь мир, и то единственное, неповторимое, что есть у каждого из нас, та самая жизнь, которая, по словам одного из лучших героев советской литературы, «дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Оно, это слово, — *живое, животрепещущее, жизненное, жизнеутверждающее, жизнерадостное, животворное...* Оно — корень нашего *жизнеощущения, жизнепонимания, жизнетворчества, жизнестроительства*, источник нашей *жизнеспособности и жизненной силы*. И эта сила прежде всего — в нашем родном языке. Который, как совершенно точно и — одновременно — многомерно сформулировал К. И. Чуковский, «живой как жизнь».

Теперь вы понимаете, что язык действительно живой? И что «жизнь языка» — это и есть «язык жизни»?

ЗЕМЛЯ

Земля — одно из самых многозначных продуктивных слов русского языка.

Сейчас модно составлять всевозможные рейтинги. Так вот если бы существовал некий универсальный рейтинг слов, то *земля* заняла бы, вне всякого сомнения, одно из первых мест в русском языке.

Земля в смысловом плане очень интересное и глубокое слово. И есть прямая, пусть и кажущаяся на первый взгляд мистической связь между этой широтой-глубиной и планетарными масштабами России. Россия — самая большая страна в мире («широта»), обладающая неисчерпаемыми природными ресурсами-недрами («глубина»). Все это не просто так, не случайно.

Вся историческая логика России строится вокруг земли. *Русь, русские, россияне* — это не только и не столько этническое наименование (то есть название народа, нации). Это те, кто живет на русской (российской) земле.

Пушкин пишет: «Стальной щетиною сверкая, не встанет русская земля?» В каком значении здесь употребляется словосочетание *русская земля*? В значении «русские», те, кто живет на русской земле.

Подобная «одушевленная метонимия» встречается во всех языках мира. Француз скажет *Франция* в значении «французы». Немец скажет *Германия* в значении «немцы». Но русские почему-то очень часто говорили на протяжении всей истории, особенно в годы бедствий, войн, не просто *Россия*, а именно *русская земля*. Если уж «плач», то не о *погибели Руси*, а о *погибели земли русской*.

Земля в русском языке — это планета как космический объект; планета как место обитания и жизни человека; верхний слой земной коры; грунт, почва, то, по чему мы ходим; реальная действительность (в отличие от идеального мира); суша («не вода и не небо»); страна-государство; территория с сельскохозяйственными угодьями; территория, находящаяся в чьей-либо собственности... Есть и масса других устаревших или специальных значений, например, наименование красок или фон, по которому сделан рисунок. Наконец — это старое название буквы алфавита — З, символизирующей также цифру 7, которая, в свою очередь, очень «непростая», символическая цифра (семь чудес света, семь дней недели и т. д. и т. п.). Но это — кстати.

Русский язык, как мы видим, настойчиво сохраняет «единое» слово *земля* как «носителя» множества значений, у каждого из которых есть синонимы: *планета, почва, «твердь», мир, свет, территория, участок, край, страна* и др.

Вы наверняка изучаете английский язык. Откройте русско-английский словарь и попробуйте найти перевод русского слова *земля*. Одного точного перевода вы не найдете. Переводов будет много: *earth, ground, land, soil, globe, planet, territory*.

Та же история будет с однокоренными словами.

Русский, к примеру, говорит: *земляк*. И все. Это — и *русский*, и *из моего поселка*, и *из моей области*, и *из моего города*, и *из моей страны*, в зависимости от ситуации. И даже вне зависимости от ситуации. *Земляк* может быть просто дружеским обращением к любому говорящему по-русски человеку.

А вот англоязычный человек обязательно разделит *земляка* по стране, по городу или по деревне. По-английски это будут совсем разные слова. И совсем разные *земляки*.

Обычно такое качество русского языка называют синтетизмом, в отличие от аналитизма языка английского. И не только английского. Попробуйте проделать тот же эксперимент, например, с французским. И вы убедитесь: аналитизма там все равно больше, чем в русском.

Синтетизм в данном случае — это как бы связывание воедино, соединение, «собираание» разных элементов смысла в одном слове.

Такой синтетизм русского языка — прямая аналогия своеобразного и неповторимого синтетизма русской истории.

Что последовательно делали сначала московские князья, а затем цари, императоры, генеральные секретари ЦК КПСС и — надеемся — будут делать и впредь президенты? Какую политику они упорно вели? Они *собирали* русскую землю. Сохраняя своеобразие разных *земель* и населяющих их народов, но вместе с тем объединяя их в единую и огромную русскую землю, которая постоянно *прирастала* все новыми и новыми, опять же, *землями*.

В этом смысле слово *земля* с ее «федерально-смысловым» разнообразием, огромным словообразовательным гнездом и разветвленной фразеологией есть словно бы языковая модель России, ее «лингвистический макет».

В нашу речь все больше входят различные современные синонимы *земли*. Мы говорим о *планетарности*, *территориальных проблемах*, *засолении почвы*, *геополитике* (*гео* — это по-гречески земля) и т. п. Все реже употребляем такие выражения, как *земля уходит из-под ног*, *вырасти точно из-под земли*, *земля горит под ногами*, *земля-матушка*.

Многие слова, образованные от этого корня, нами уже, к сожалению, забыты. Они хранятся в словарях, как некогда роскошные, а ныне высохшие растения в гербариях. Что такое, скажем, *землевик*, *земледоволец*, *землеобъятное море*, *землетряска*, *землеуходчик*?..

А ведь слова эти яркие, сочные, выразительные. Откройте словарь В. Даля — и посмотрите, что они значат.

Давайте же чаще вспоминать и употреблять слово *земля* во всех его значениях, а также однокоренные с ним слова и выражения с этим словом.

Будет жить слово — будет жить и наша земля. Потому что, как говорили наши предки, называть — значит давать жизнь.

И это никакое не преувеличение.

ЗЛО

Всем понятно, что «зло» в целом — антоним «добра». «Зло» — плохо. «Добро» — хорошо. В сказках добро обязательно побеждает зло.

Зло — «нечто дурное», вредное, противное добру; беда, несчастье, неприятность; досада, злость (С. Ожегов). То есть, иначе говоря, «зло» — это нечто «плохое» вообще, «плохое» событие и «плохое» чувство. При этом заметим, что зло обязательно подразумевает деятельную активность. Зло не просто абстрактное нечто со знаком минус, оно «вредит» или «затаивается», чтобы действовать во вред кому-нибудь или чему-нибудь.

«Активность» зла очень отчетливо отражается и в самом языке. Этот корень — один из самых продуктивных. Он имеет очень большое словообразовательное гнездо, и от него образовано огромное количество фразеологизмов.

Возьмем словообразование. В современном русском языке, как известно, есть множество сложных слов с корнем «зло»: *злорадство*, *зловоние*, *злопамятный*, *злокачественный*, *злодейство*, *злословный*, *злословие*, *злоупотреблять*, *злословие*, *злосчастный* и т. д. и т. д. А раньше подобных слов было еще больше: *зловоние*, *злоторец*, *злословский*, *злословник*, *злословное* (сердце), *злословный*, *злословный*, *злословный* и др.

Не правда ли, весьма сочные, выразительные слова!

«Зло», как мы видим, легко «приклеивается», «прилепляется» к любому понятию, к любому действию, к любой вещи. Вы можете сами легко сочинить какое-нибудь «злословие». «Злопогодный день». «Злотестовое задание по русскому языку». «Злоипотечное кредитование». «Злообменный курс валют». «Злорекламная пауза»...

Но ведь именно такова природа зла! Оно вездесуще, извратливо, хитро, навязчиво. И это хорошо видно по самой истории, этимологии этого корня.

Во многих индоевропейских языках он присутствует и столь же активен, как и в русском. В разных языках он как бы высвечивает различные бесконечные «границы зла»: это — грубость, свирепость, греховность, озлобленность, наглость, дерзость, упрямство, несправедливость, обман, бесчеловечность, ложь, фальшь, черствость, надоедливость и т. п.

Но интересно, что чем глубже мы уходим в этимологию, чем «исконнее», «древнее» этимон зла, тем отчетливее высвечивается его суть.

Самое древнее, трех-четырёхтысячелетней давности, значение этого корня можно определить примерно так: совершать зло — значит кривиться, изворачиваться, вихлять, изгибаться, кривить (душой), идти вкривь, сбиваться с истинного пути, заблуждаться, блуждать.

Видите: зло соотносится с идеей кривизны, «непрямоты» мыслей, чувств, слов, дел.

Можно сказать, что по сути добро — это правда, а зло — кривда. Добрый — значит прямой, а злой — кривой. Если человек прямодушный — значит он добродушный. Это, в общем-то, синонимы. Как к слову «криводушничать» можно образовать синоним «злodusничать».

Из древнего корня «зло» видно и то, что оно, при всей своей змеиной хитрости и изворотливости, есть не что иное, как отход от истинного пути, заблуждение.

Зло, обманывая и, может быть, даже подчас побеждая добро, тем не менее беспомощно блуждает, кружится и путается. Оно, говоря по-русски, непутево. Стараясь сбить с прямого пути добро, оно само не знает, куда идет. Выражаясь иначе, более «умное», зло не имеет своей мудрой перспективной стратегии, у него есть лишь сиюминутная хитрая тактика.

И именно поэтому «генеральное сражение» добра со злом во всех культурах мира (от мифов и фольклора до классических романов и кинофильмов) заканчивается победой добра.

ИСТИНА

В основании значения этого слова лежит идея верного соотношения, адекватности, соответствия. Есть то, что мы думаем о мире, исходя из нашего мышления и опыта, и есть мир — такой, какой он на самом деле. «Истина» — это «правильный мостик» между нами и миром.

С. Ожегов, например, дает именно такие толкования истины: «1) В философии: адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно, 2) То, что соответствует действительности (это — первое значение слова правда), 3) Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом».

«Истина», говоря иначе, — это сообразность, соразмерность, созвучность, согласие, гармония между нами и миром. «Истинный» — значит подлинный, настоящий.

Это слово в себе сохранило на протяжении веков свою исконную этимологическую сердцевину (так называемый этимон). «Истинный» восходит к «истый», которое в большинстве славянских языков означало просто «тот же самый», «такой же».

А раз «такой же» — значит, ему можно доверять. Отсюда самые различные значения: «определенный», «подлинный», «точный», «уверенный», «несомненный», «существенный», «правильный» и отсюда — даже «ревностный», «усердный».

Сочетание «ст» («st») в «истине» этимологически то же, что и в словах «стоять», «стать», «настоящий», «простой» (то есть ясный, незамутненный) или «снежный наст».

«Ст» — это что-то настоящее, твердое, устойчивое, на что можно опереться, встать.

Не случайно «истина», в том числе и в древнерусском языке, — наличные деньги, капитал (причем первоначально — основной, без процентов, «честный», без всяких ипотек и ростовщичества!) и, соответственно, законность.

В других языках этот корень был связан с «собственностью», «владением», «состоятельностью» и, по некоторым сведениям, даже с глаголом «быть».

«Истина» — понятие, как мы видим, очень конкретное, рациональное. Истина целиком и полностью зависит от человека. В русском языке слова «истина» и «правда», хотя и отчасти синонимичны, тем не менее очень удачно, гармонично «поделили полномочия». Очень точно их различие передано в русской пословице: «Истина от земли, а правда с небес». Человек, которому не везет, которого преследуют неудачи, может в сердцах воскликнуть: «Совсем нет правды на земле!» Это, конечно, неверно. Но доказать рациональным путем, что правда на земле существует, — нельзя. В правду нужно верить.

А вот высказывание «нет истины на земле» изначально абсурдно. Любой может прийти к истине, то есть увидеть мир таким, каков он есть, или «направить на путь истинный» другого.

«Воистину» так...

ЛЕНЬ

В толковых словарях слово «лень» толкуется как нежелание работать и нежелание вообще делать хоть что-нибудь, нелюбовь к труду, к активной деятельности. Если слово «лень» выступает в роли сказуемого («мне лень пылесосить квартиру»), то оно — опять же — выражает идею нежелания: «не хочется», «неохота».

Парадоксально, но «лень» в какой-то мере есть не что иное, как синоним буддийской «нирваны». Что такое нирвана? Полное отсутствие желаний, страстей. Древнегреческие философы-стоики, кстати, стремились к состоянию, когда человек свободен от желаний. Они называли такое состояние «атараксией» или «апатией». Сейчас «апатия» (что-то вроде «тотальной лени») — это плохо. Две с половиной тысячи лет тому назад апатия была идеалом: тот, кто достиг апатии — достиг так называемой эвдемонии, то есть состояния счастья.

Мы, конечно, несколько сгушаем краски. Лень — это, конечно же, нехорошо. Это не нирвана, а, скорее, «псевдонирвана». Но тем не менее «образ лени» в русском языке и русской культуре не так уж однозначно отрицателен.

Об этом говорят русские пословицы. Наряду с пословицами, осуждающими лень (их, ясное дело, значительно больше!), есть, например, и такие: «Ленивому всегда праздник», «Лень одежду бережет», «Ленивый что богатый: всегда гуляет», «Лень прежде нас родилась» и т. п.

Иван-дурак из русских народных сказок, как известно, не отличается большим трудолюбием. А ленивый Илья Обломов из, как сейчас бы сказали, «культового» романа И. А. Гончарова — более чем симпатичный, обаятельный и весьма «харизматичный» персонаж.

Русский народ ласково называет уютную лежанку у печи «ленивкой», «ленивицей», «ленухой», «ленушкой», а целый ряд вкуснейших блюд сопровождает эпитетом «ленивый»: ленивые щи, ленивые пельмени, ленивые голубцы, ленивые вареники, ленивые сырники.

Нет, это не оправдание лени. Это глубокое и мудрое понимание того факта, что лень — неотъемлемая, неизбежная часть нашей жизни, что не все определяется «деланием», работой (хотя, разумеется, «терпение и труд все перетрут» и т. д. и т. п.).

Мало того: надо помнить, что русский язык и русская культура невероятно самокритичны. Давно уже бытует стойкий миф о «русской лени». И этот миф создан нами самими. Только ленивый (извините за тавтологию) не повторяет знаменитую сентенцию А. С. Пушкина о том, что «мы ленивы и нелюбопытны». Правда, очень немногие могут сказать, где и в каком контексте это было Пушкиным написано. А написано это было в «Путешествии в Арзрум» (1836), и более развернутая цитата выглядит так: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны».

«Мы» — это кто? Друзья Грибоедова, включая самого Пушкина? Современники Пушкина? Русские вообще? «Мы» вообще очень хитрое слово: оно может значить и «я», и «мы», и «он», и «вы», и «они».

И вспомним к тому же, как впоследствии тщательно и подробно, трудолюбиво и досконально была изучена биография Грибоедова!

Нет, не так уж «мы» «ленивы и нелюбопытны». «Ленивый и нелюбопытный» народ не построил бы самое большое государство в мире, не победил бы в самых кровопролитных войнах, не вышел бы первым в космос, не создал бы величайшую классическую литературу, не говорил бы на таком удивительном языке.

Любой ленивый никогда не считает себя ленивым, а думает, что он труженик, любой настоящий труженик каждый день, каждый час клеймит себя за лень.

Так давайте каждый день и каждый час трудиться не покладая рук и повторять: «Мы ленивы и нелюбопытны».

Как величайший труженик Александр Сергеевич Пушкин.

ЛОЖЬ

Классическое толкование слова «ложь» — «намеренное искажение истины, неправда, обман» (С. Ожегов). То есть «ложь», «лгать», «лжец» — это вроде бы однозначно плохо. «Ложь» — это «антиправда», «антиистина». То, что по Солженицыну надо «жить не по лжи», принимается всеми (интересно, кстати, что фамилия классика как бы провоцирует присутствие в ней корня «ложь», хотя на самом деле происходит от «солод», «соложение» — выращивание зерна в солод).

Вместе с тем слово «ложь», и все огромное словообразовательное гнездо (от «лгуна» до «ложноножки»), и вся бесчисленная фразеология с этим корнем (от «красно поле рожью, а речь ложью» до «ложь во спасение») далеко не так однозначно оценочны. «Ложный» — это не обязательно «плохой», он может быть просто «ошибочный». «Ложная скромность» — это, конечно, нехорошо. Но в ней нет «злого умысла». А уж какая-нибудь «ложногусеница» совершенно не виновата в том, что она не гусеница.

Если считать первым вопросом человеческого существования шекспировский вопрос «Быть или не быть?», то (если уж «быть») наверняка вторым будет вопрос «Лгать или не лгать?».

Спор о «благородной лжи» идет уже не первое тысячелетие. Начали его не горьковские Лука и Сатин. Были спорщики и посолондней. Многие, мягко говоря, неглупые люди настаивали на том, что ложь необходима. Например, Платон в «Государстве» четко и ясно говорит: мудрецы, правящие государством, должны лгать народу для его же (народа) блага.

Что же такое ложь «на самом деле»?

Ложь имеет цепкую, живучую мимикрийно-паразитическую природу. Ее основное качество — изменчивость и многоликость. В отличие от правды, которая — одна. Не случайно в монотеистических религиях Бог един и является бытийным, «онтологичким» синонимом Правды, а Дьявол принципиально многолик и является по сути Ложью.

Огромное количество психологических, политологических, социологических, исторических и т. д. исследований, посвященных лжи.

Существуют десятки, сотни видов лжи («количественная», «качественная» искажение, двусмысленность, лжесвидетельство, лесть, умолчание, притворство, уловка, оговор, плагиат, блеф и т. д. и т. п.), которые объединены во множество классификаций. И само словообразование с этим корнем невероятно «изощренное», какое-то вертлявое, как бес.

Ложь, лжа, лыжа, лгать, лыгать, оболгать, изолгаться, лгун, лжец, лгач, лживец... Столь же обильна и синонимика: гнать, брехать, врать, свистать, заливать, п...ть...

Есть, кстати, рейтинги самых лживых профессий. Забавно, что сейчас именно самые популярные профессии, вроде юристов, менеджеров, пиарщиков и проч., неизменно занимают первые места в этих рейтингах. Так что в моде сейчас «свистуны».

Ложь подробно исследована психиатрией, и четко выявлена прямая связь склонности ко лжи с различными патологиями, маниями и фобиями. Ложь — это болезнь. Или — прямой «путь к болезни». Это наркотик, требующий постоянного увеличения дозы.

«Ложь», «лгать» — древний индоевропейский корень. Если суммировать то, что он обозначает в различных языках (от исландского до литовского), то все многообразие смыслов можно свести к следующему.

Лгать — это отрицать, утаивать, предавать, искушать (манить, заманивать), просить (выпрашивать, кланчить).

Таковы исконные грани этого «этимона».

Лгун — в конечном счете ненавидящий все и вся, скрытный попрошайка, который заманивает, чтобы предать. Или: жадный и хитрый предатель-аутист. Можете сами поупражняться в подборе синонимичных формулировок.

Природа лжи, искушающая, мироотрицающая, предательская, хитрая и т. д. и, вместе с тем сильная, как жирный паразитирующий сорняк, полно и ясно отражена в бытовании этого корня в русском языке, во фразеологизмах с этим корнем, в длинных и причудливых словообразовательных «ДНК».

Ложь — это смысловой, семантический лабиринт, в который можно уйти — и уже никогда не вернуться. Современное общество — по сути и есть такой искушающий лабиринт. И никакой Ариадны с ее спасительной нитью оно вам не даст.

Просто надо стараться не лгать и называть ложь ложью. Как сказал В. М. Шукшин: «Восславим тех, кто перестал врать».

ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ

Никто никогда не сможет однозначно ответить на вопрос, что такое «любовь» и «ненависть».

Это так называемые пансемантические слова. Вроде слова «а» в русском языке. Его можно интонационно оформить более чем тысячей способов — и значение будет совершенно разным.

В индоевропейских языках общая «идея любви» могла соотноситься с тысячами совершенно разнородных понятий: пуп, гармония, небо, луна, опасность, ноль, пустота, грыжа, милый, бездна, музыка, серна, дерево, корова, туман, безумие, говорить, яма, затмение, ночь, овраг, прославление и т. д. и т. д.

Известно множество «классификаций» любви, богов и богинь любви и философских концепций любви.

Разноголосица полная. Можно сказать, какофония.

Но в этой кажущейся какофонии тем не менее есть своя доминанта.

Корень «люб» (в других языках — lub, lav, lob, louf, lib, lap и т. д.) несет в себе, при всем разнообразии смысловых оттенков, идею направленности изнутри «вовне», центробежного вектора, «открытости» к чему-либо, готовности к чему-либо, будь то желание, тяга, жажда, склонность, надежда, познание, восхваление или вера (все эти значения очень частотны в разных языках).

«Любить» — значит быть открытым миру, «зрячим», быть готовым слиться с ним. Будь то женщина, философия, друг, родина или «три апельсина». Отсюда — «любопытство», «любомудрие», «любование», «любезность» и т. д.

Русское слово «ненависть», всегдашний антоним («двойник-антипод») «любви», — это отрицательная форма слова «навидеть», которое было утрачено уже в далекой древности. Но «навидеть» происходит от «видеть», которое, в свою очередь, — однокоренное с «ведать», то есть знать.

То есть ненавидеть — значит не видеть мира, быть слепым, «закрытым» и, следовательно, не знать его. А любить — значит видеть мир (быть «зрячим», открытым) и знать мир, «любоваться» им.

Греческое «эрос», индийское «кама», китайское «жень» — все это активное «любомирие».

Кстати, и ныне столь «страшный» арабско-исламский «джихад» — тоже. «Джихад» — это прямое стремление к чему-либо. Существует «джихад сердца» (стремление к добру), «джихад языка» (стремление говорить только хорошо) и «джихад руки» (стремление делать только хорошее). Самый последний и наименее важный «джихад» — «джихад меча», то есть в случае необходимости отстаивать добро силой («добро должно быть с кулаками»). Но все «зациклились» на мече.

С «любовью» в современном мире та же история, что и с «джихадом»: Любовь преимущественно мыслится максимально сужено — как секс. Обычная история, так называемая семантическая синекдоха (одна из ее разновидностей), когда часть подменяет целое. И далее: эта «часть» совсем перестает быть связанной с «целым». Любовь понимается как физиологическое удовлетворение желания, хотя это уже не имеет никакого отношения к любви. Так же как любовь к земле не имеет никакого отношения к ограждению своих шести соток двухметровым забором.

Заметим: «ненависть» как (исконно) замкнутость, слепота и незнание превратилось в современном языке в «чувство сильной вражды, злобы» (С. Ожегов). Когда человек говорит «ненавижу» — он признается в том, что не видит и не знает объекта своей ненависти. Он словно бы закрывает глаза и затыкает уши. Он становится страусом, зарывающим голову в песок. Признается в своей полной несостоятельности.

Не надо употреблять слово «ненавидеть» в форме первого лица единственного числа.

И не надо так же употреблять словосочетание «заняться любовью». Потому что это абсурд: это значит либо «заняться половой принадлежностью», либо — «заняться открытостью к миру».

Мы же не «занимаемся дружбой, верой или надеждой». Как, впрочем, и «ненавистью».

МЕЧТА

В современном языковом сознании «мечта» — это прежде всего предмет стремления, желания, воображаемая цель. По всей видимости, понимание мечты как чего-то идеального, которое может воплотиться в реальность, окончательно закрепилось в XX веке. Возможно, большую роль в этом сыграла советская идеология. Ведь «коммунизм» — это «мечта-цель», «идеал-задача», грёза, которая обязательно будет реализована. Мы должны «сказку сделать былью». Любой советский человек должен был мечтать о светлом будущем для всех и о чем-нибудь высоком для себя. Например, стать космонавтом, совершить подвиг и т. п. Не иметь мечты — значит быть приземленным, «ползучим» мещанином-обывателем.

Английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, приехавший в Россию во время революции, написал книгу «Россия во мгле». О Ленине, с которым он беседовал и который рассказал ему о грандиозных планах, поставленных молодым советским правительством, он сказал: «кремлевский мечтатель». И этот эпитет был воспринят как комплимент.

«Мечта» — одно из самых частотных слов советской литературы, причем далеко не только чисто «идеологическо-придворной». Например, Александра Грина с его «Алыми парусами» никак нельзя отнести к официальной литературе «социалистического реализма». Однако образ алых парусов стал одним из популярнейших в детско-пионерской культуре, он превратился в некий «официально-романтический» символ.

История этого корня — своего рода долгий (длившийся не одну тысячу лет) «прорыв» из идеального мира в реальность, из «сказки» — в «быль», из грезы — в действительность.

Древний индоевропейский корень (**meik**, **meich**) имел значение блестять, мелькать, мерцать. Во многих языках он был осмыслен как подмигивать, искриться, моргать, трепетать. Русское слово «миг», «мигать» (а возможно, и «намекать», «мгла», «мгновение») восходит к той же этимологической базе.

«Мечта» — это что-то лукаво подмигивающее нам из недр нашего воображения (кстати, у персов, таджиков «меша», «мижа» — это ресница). Что-то нереальное, искушающее, отводящее от повседневной жизни. Наваждение, фантом, призрак. Именно с таким значением «мечта» и вошла в русский язык. В. Даль в своем знаменитом словаре так и толкует: «мечтать» — «играть воображением, предаваться игре мыслей, воображать, думать о несбыточном», «мечта» — «всякая картина воображения и игра мысли; пустая, несбыточная выдумка; призрак, видение, мара». Классический пример «мечтателя» — гоголевский Манилов.

Такой человек создал себе мечту, «вмечтался» в нее и «измечтался» (эти слова зафиксированы в XIX веке) до полной «профнепригодности». «Мечта» — это а) нечто воображаемое, видение, призрак, б) нечто неосуществимое, нереальное, в) нечто неправдоподобное. Лишь позже появляется «мечта» как потенциальная

реальность, как то, что может осуществиться, как «личный мостик» между идеальным и реальным.

Нужна ли человеку мечта? На этот вопрос каждый человек отвечает по-своему. Кому-то нужна «синица в руке», кому-то — «журавль в небе». Кто-то хочет приобрести «синицу-машину» и на этом успокоиться, а кто-то стать «журавлем-мировой знаменитостью».

И все-таки, если задуматься, мы поймем, что настоящая мечта — это что-то вроде личной стратегической задачи, перспективного долгосрочного планирования. В наши дни чаще говорят не о мечте, а о «карьерных амбициях»...

Нет, все-таки «мечта» — это как-то «теплее» амбиций...

Конечно, можно и перегнуть палку с этим стратегическим планированием и, «вмечтавшись» в химеру, окончательно «измечтаться».

Но, с другой стороны, ограничиться узкими тактическими бытовыми задачами — значит обречь себя на бесцветную скучную жизнь.

Так как насчет «журавля в небе»? Или вас все-таки устраивает «синица в руках»?.. Выбирайте.

МИР и ВОЙНА

Наверное, почти все в школе писали сочинение на тему «Смысл названия романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Коротко говоря, смысл этого названия заключается в том, что в слове «мир» Толстой совместил два слова (у каждого из которых к тому же много значений) и, соответственно, придал огромную многозначность и слову «война». Раньше, во времена Л. Толстого, в русском языке было два омофона (это слова, которые по-разному пишутся, но одинаково звучат) — «миръ» и «міръ», а сейчас — два омонима (мир¹ и мир²). Первый значит космос, вселенная, земля, крестьянский сход, народ, семья, внутренний мир человека и т. д. Второе — согласие, отсутствие войны, мирный договор, покой, тишина и т. д.

Толстой дал, так сказать, «ретросинкретическую» версию слова «мир». Он хотел показать, что Вселенная и согласие, семья и тишина, земля и отсутствие войны, народ и покой — это, говоря языком платонизма, — эманации одного эйдоса. Они односущностны, родственны, «единоутробны». Аналогично: хаос, вражда, антинародность, карьеризм, ссора, развод, интриги и проч. — это производные войны.

Толстой выступил как один из самых отчаянных зороастрийцев, который рассматривал мир как глобальную бинарно-антонимическую оппозицию. Космический порядок существовал тогда, когда частицы добра (мир) и зла (война) были разъединены. А сейчас все перепутано. Надо вернуть современное состояние, когда «мир=война» в первоначальное состояние: «мир≠война». Ахура Мазда, бог Добра-Мира, — отдельно. Ашмойд (Асмодей), бог Зла-Войны, — отдельно. Как котлеты и мухи. Кстати, и в «Анне Карениной» одна из первых фраз чисто зороастрийская: «Все смешалось в доме Облонских».

Так или иначе, слова «война» и «мир» — это, может быть, главная концептуальная оппозиция в современном языке. Это — основные вербализации концептов-универсалий аксиологии (системы человеческих ценностей).

Древнейший индоевропейский корень «*m̥i*» («*moi*», «*mei*») через суффиксы «*g*» или «*l*» (отсюда русские «мир» и «мил») дал в различных языках, причем преимущественно славянских, огромное количество положительно окрашенных смыслов: кроткий, мягкий, хороший, вежливый, ровный, спокойный и т. д. и т. д. Вплоть до значения «пенсия».

Древнеиндоевропейский протокорень слова «война» в различных языках дает более пеструю картину значений (от «любви», «удовольствия» до «выгона скота в поле»), но все же явно преобладают значения аксиологически однородного спектра (дичь, страдания, охота, рана, опухоль, бороться, разрушать, ошибка, вина, мстить и проч.).

Концепты «мир» и «война», в отличие от многих других (см., например, ДЕРЖАВА или ВЛАСТЬ), «обречены» на достаточно устойчивую оценочность. «Мир» — это всегда хорошо. «Война» — всегда плохо (за исключением случаев, вроде «идет война народная, священная война»).

С нашей точки зрения, данные концепты вполне «здоровы» в современном дискурсе.

Хотя особое внимание необходимо уделить слову «война», которое в силу своей потенциальной деструктивности может притягивать к себе различные негативные контексты, например: «информационная война», «война культур», «война цивилизаций». Пока слово «война» имеет свои субституты. Чаще всего — это субститут «конфликт». Так, например, хрестоматийный Хаттингтон все-таки говорит о «конфликте культур». В 90-х годах появилась довольно активно развивающаяся область гуманитарного знания, которая именуется конфликтология.

Слово «война», судя по всему, слишком «сильное». Люди интуитивно боятся терминологизировать (в широком смысле этого слова) слово «война». Слишком большая ответственность.

Слово «мир» имеет вроде бы зеркально противоположную, но вместе с тем схожую судьбу. «Мир» — это некий археконцепт, который великодушно вместит в себя все. Например, в современных российских вузах введена такая дисциплина, как «Русский мир». Аналогичное название имеет и фонд, занимающийся поддержкой и распространением русского языка и культуры за рубежом и среди соотечественников.

Слова «мир» и «война» — это своего рода лексикокультурные губки, которые готовы вбирать в себя очень много. Если употребить другую метафору, они подобны неким крупным животным, типа голубых китов, которые «очень добрые», но тем не менее с ними никто не хочет иметь дело. И все же они (эти слова-киты) постепенно обрастают «рыбами-спутницами», «словами-паразитами» и т. д.

В целом вообще лексическая семантика подобна животному миру. Существуют слова-хищники и слова-млекопитающие. В иной терминологии — слова-доноры и слова-реципиенты. Переводя на современный экономико-финансовый язык, слова-дебиторы и слова-кредиторы.

Если за слова «война» и «мир» в ближайшие годы можно быть спокойными, то за судьбу многих других слов, таких, как ДЕРЖАВА, ОБЩЕСТВО, НАРОД, ВЛАСТЬ и др., мы обязаны волноваться. Они подобны большим «китам», которых уже настолько обглодали мелкие рыбки в виде новейших английских заимствований, более крупные рыбки либерального дискурса XIX–XX веков, что мы обязаны позаботиться об их судьбе.